

*Ж.С. Темоданов*

СРАВНИТЕЛЬНОЕ  
ЯЗЫКОЗНАНИЕ  
В РОССИИ

*И. Г. Леонович*

1956

*Николай Сергеевич Чемоданов*  
Сравнительное языкознание в России  
Редактор *Г. Н. Лебедева*  
Технический редактор *Р. В. Цыпко*  
Корректор *Х. Н. Хайретдинова*

\* \* \*

Сдано в набор 31/V-1956 г. Подписано  
из печати 28/VII-1956 г. 84X108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Печ. л. 6  
(4,92). Уч.-изд. л. 4,72. Тираж 30 000 экз.  
А10112. Заказ № 4652.

\* \* \*

Учпедгиз. Москва, Чистые пруды, 6.

Цена 1 р. 25 к.

---

Отпечатано в Ивановской областной типо-  
графии г. Иваново, Типографская, 6  
с матриц Первой образцовой типографии  
имени А. А. Жданова

## СОДЕРЖАНИЕ

*Стр*

|                                                                |    |
|----------------------------------------------------------------|----|
| У истоков научного языкознания в России. М. В. Ломоносов.      |    |
| А. Х. Востоков. . . . .                                        | 3  |
| Сороковые и пятидесятые годы. Ф. И. Буслаев. И. И. Срезневский | 12 |
| Харьковская школа. А. А. Потебня. А. В. Попов . . . . .        | 24 |
| Казанская школа. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. Н. В. Крушевский.    |    |
| В. А. Богородицкий . . . . .                                   | 34 |
| Московская лингвистическая школа. Ф. Ф. Фортунатов. М. М. По-  |    |
| кровский . . . . .                                             | 58 |
| А. А. Шахматов . . . . .                                       | 78 |

Н. С. ЧЕМОДАНОВ

# СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В РОССИИ

*Очерк развития  
сравнительно-исторического метода  
в русском языкознании*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ  
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва 1956

*Настоящая брошюра принадлежит к числу работ, публикуемых в библиотеке „Вопросы советского языкознания“.*

### *От автора.*

Настоящая брошюра не является очерком истории русского языкознания. Свою задачу автор видит лишь в том, чтобы дать читателю представление об основных этапах разработки в русской лингвистике принципов сравнительно-исторического метода и показать некоторые своеобразные черты развития русской науки о языке в этом плане. Материал брошюры ограничен дореволюционным периодом.

## У ИСТОКОВ НАУЧНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В РОССИИ. М. В. ЛОМОНОСОВ. А. Х. ВОСТОКОВ.

Современное научное языкознание возникло в первые десятилетия прошлого века, когда усилиями ученых ряда европейских стран был открыт сравнительно-исторический метод изучения языков.

Открытие сравнительно-исторического метода явилось крупнейшим завоеванием науки, и с помощью его уже очень скоро были достигнуты поразительные успехи, в особенности в изучении индоевропейских языков. В результате применения этого метода были установлены родственные связи между языками и их историческая близость друг к другу. Были определены закономерности развития и создана основа для научной истории языков. Этот же метод дал возможность восстанавливать явления языка, не засвидетельствованные в памятниках письменности, и таким образом проникать все глубже и глубже в далекое прошлое языков.

Немалая заслуга в создании, разработке и совершенствовании сравнительно-исторического метода в языкознании принадлежит деятелям русской науки.

Задача сравнительного и исторического изучения языков была поставлена в русской науке уже в середине XVIII века в трудах Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765).

Выдающийся исследователь и мыслитель в разных областях знания, М. В. Ломоносов был смелым новатором в науке. Его идеи в области изучения языка на десятилетия определили развитие научной филологической мысли. В истории русского языкознания Ломоносов известен как создатель первой грамматики русского языка, основанной на живом словоупотреблении, и автор теории „трех стилей“, замечательной своим историческим подходом к явле-

ниям русского языка. Примечателен метод исследования явлений языка в трудах Ломоносова. Опубликованные полностью в последнем академическом издании его сочинений рукописные материалы к „Российской грамматике“<sup>1</sup> наглядно показывают, как далек был Ломоносов от априорного подхода к изучаемым им вопросам. Каждое правило, которое он формулирует, основывается на обширном фактическом языковом материале.

Большое научное значение для того времени имели идеи и высказывания М. В. Ломоносова в области сравнительного и исторического изучения языков.

Круг лингвистических интересов Ломоносова был весьма широк. Помимо русского языка, его глубоко интересовали, в связи с занятиями по филологии и истории, славянские языки в целом, балтийские и другие индоевропейские языки. В кругу научных интересов Ломоносова были языки и других семейств. Ломоносов четко разграничивал русский и старославянский языки в их истории. Он имел ясное представление о составе славянской группы языков и доказывал, что восточнославянские языки более близки к южным, чем к западным<sup>2</sup>. Ломоносов установил родственные связи между славянскими и балтийскими языками и предположил общее их происхождение<sup>3</sup>. Любопытно, что генетическая связь славянских и балтийских племен доказывается им не только на примерах из области лексики (этимологическое единство названия бога грома и молнии — слав. Перун, балт. Перкун), но и на основании сходства в грамматических формах<sup>4</sup>.

В связи с этим глубокий смысл получает различие Ломоносовым „сродственных“ и „несродственных“ языков. В материалах к „Российской грамматике“ Ломоносова сохранился черновой набросок таблицы имен числительных первого десятка в русском, греческом, латинском и не-

---

<sup>1</sup> М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7, изд. АН СССР, 1952, стр. 595 и след.

<sup>2</sup> Ср. „Предисловие о пользе книг церковных в российском языке“. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 587 и след.; см. также перечень славянских языков в материалах к „Российской Грамматике“ (там же, стр. 609).

<sup>3</sup> Ср. высказывания М. В. Ломоносова в его „Древней российской истории“, Полное собрание сочинений, т. 6, изд. АН СССР, 1952, стр. 205 и след.

<sup>4</sup> Там же, стр. 209.

мецком языках под общим названием „Числа сродственных языков“. Рядом с этой таблицей перечислены „несродственные“ языки — финские, мексиканские, готтентотские, китайские<sup>1</sup>. Значение этих черновых набросков совершенно ясное. Составляя таблицу, Ломоносов имел в виду исконную, „сродственную“ близость индоевропейских языков, которым он противопоставляет языки других, „несродственных“, семейств. Примечательно, что высказанную в этом наброске идею родства индоевропейских языков Ломоносов доказывает на этимологически надежном материале имен числительных. Правда, в своей таблице Ломоносов приводит числительные лишь четырех индоевропейских языков, но если учесть, что в ряде сочинений, например в „Древней российской истории“, он говорит о близости славянских и иранских языков и общности славянских языков с балтийскими, то практически им был определён почти весь круг языков, составляющих индоевропейскую семью.

В трудах Ломоносова высказывается и другое важное положение сравнительно-исторического языкознания — мысль о происхождении родственных языков из общего первоисточника — праязыка, в результате разделения которого образовались современные индоевропейские языки.

В упомянутых материалах к „Российской грамматике“ мы находим замечание об исторически очень длительном процессе отделения современных индоевропейских языков от своего родоначальника и об исторической последовательности в образовании отдельных языков. Наиболее древним, по утверждению Ломоносова, было отделение друг от друга латинского, греческого, германских и славянских языков. В более поздний, по его мнению, исторический период произошло в свою очередь разделение этих языков, например славянского на славянский и балтийский, в дальнейшем нового славянского — на русский и польский. Этот процесс дифференциации языков продолжался тысячелетия<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7, изд. АН СССР, 1952, стр. 652—653.

<sup>2</sup> Там же, стр. 658—659, где М. В. Ломоносов пишет: „Представим долготу времени, которою сии языки разделились. Польский и российский язык коль давно разделились! Подумай же, когда курляндский! Подумай же, когда латинский, греческий, немецкий, российский! О глубокая древности!“

С другой стороны, Ломоносов пытается установить известные закономерности в развитии родственных языков. Он сравнивает этимологически тождественные слова в греческом, латинском, французском и итальянском и намечает типы структурно-фонетических изменений слов в этих исторически близких языках, различая: „прибавление“ (например, из лат. *fricare* — тереть в итальянск. *fricciare*), „убавление“ (например, из лат. *ingenium* — остроумие, разум во франц. *genie*), „применение“ (например, из греч. *μυγή* — мычу в лат. *mugio*), „преложение“ и „сложение“<sup>1</sup>. Несмотря на все несовершенство этой классификации, в ней можно усмотреть стремление обнаружить определенные закономерности развития и ограничить произвол в этимологических сопоставлениях слов, который был характерен для XVIII века.

Хотя в трудах М. В. Ломоносова мы находим лишь намеки на важность и плодотворность сравнительного и исторического изучения родственных языков и он не дал образцов применения сравнительно-исторического метода, все же значение его в истории сравнительно-исторического языкознания очень велико. М. В. Ломоносов многое предчувствовал в развитии науки и верно понимал ее прогрессивное направление. Поставив задачу сравнительно-исторического изучения славянских и других индоевропейских языков, он создал основу дальнейшего развития русского языкознания в этом направлении.

Посеянные семена не замедлили дать всходы. Интерес к сравнительному изучению языков среди русских ученых продолжал возрастать, и конец XVIII века ознаменовался крупным событием — изданием под покровительством Екатерины II „Сравнительного словаря всех языков и наречий“. В 1787 г. была издана первая часть этого словаря, включавшая 285 слов из 51 европейского и 149 азиатских языков. В новом издании словаря (4 части, 1790—1791 гг.) был добавлен материал еще из 79 языков, в том числе африканских и американских. Достоинства и недостатки словаря оживленно обсуждались в научных журналах того времени. В целом словарь был признан неудачным, но он, несомненно, возбудил внимание к методологии сравнительных исследований в области языкознания. Не случайно еще

---

<sup>1</sup> М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7, изд. АН СССР, стр. 659—660.

в 1783 г. в академическом „Собеседнике любителей российского слова“ появилась анонимная статья „Начертание о российских сочинениях и российском языке“, в которой наряду с правильными этимологическими сопоставлениями латинских и славянских и русских слов (например, *acer* — остр, *hiems* — зима) можно найти формулировки некоторых методологических принципов при суждении об относительной древности сравниваемых слов родственных языков. Автор статьи говорит, например, о том, что если сравниваемые языки характеризуются известным числом сходных коренных слов, то это доказывает общность их происхождения из одного и того же источника, что же касается несходства самих сравниваемых слов, то они естественно, по его словам, „долготою времени и многими народов переменами различились“.

---

Дальнейшие достижения русской науки в области сравнительно-исторического языкознания, особенно заметные в первые десятилетия XIX века, были связаны главным образом с деятельностью Александра Христофоровича Востокова (1781—1864).

А. Х. Востоков выступил в начале прошлого века как автор сборника стихотворений, но скоро отошел от литературы и занялся изучением русской и славянской филологии. Его труды по древнерусскому и старославянскому языкам и по русской и славянской палеографии явились выдающимся достижением русской науки. Востокову принадлежат две грамматики русского языка (сокращенная и полнее изложенная, 1831), обширное „Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума“ (1842), явившееся результатом двадцатилетней работы над памятниками древнерусской и славянской письменности и создавшее материальную базу для сравнительно-исторических исследований по языку и древнерусской литературе, первое научное издание древнейшего памятника русского языка — „Остромирова евангелия“ (1843), капитальный „Словарь церковнославянского языка“ (2 тома, 1858—1861 гг.) и многие другие труды.

Особенно большое значение имели работы Востокова по славянскому сравнительно-историческому языкознанию. Уже в начале своей научной деятельности А. Х. Востоков, собирая материалы по сравнительному словарю славянских языков, поставил своей задачей найти твердые

основания для этимологического сравнения слов. В записке Оленину, относящейся, повидимому, к 1811 г., он четко формулирует методологические требования к этимологическому словарю, показывавшие, насколько ему были ясны недостатки всей предыдущей сравнительной лексикографической работы.

Востоков говорит о своем намерении показать „различные степени сродства“ между сравниваемыми языками и „постепенное происхождение и прехождение слов из одного языка в другой“. Вместе с тем он понимает, „сколь предмет сей запутан“, и его интересует, нельзя ли извлечь „из сего хаоса столько свету, сколько нужно для основательного и философического словопознания“. Совершенно ясно определяет Востоков задачу, которую он ставит перед собой: „Утвердив, если можно, историческими и логическими доказательствами словопроизводство российского языка, пояснить сию историческую часть грамматики для будущих наших лексикографов и пресечь через то единожды навсегда всякие произвольные и неосновательные словопроизведения“. Таким образом, уже в начале своего научного пути Востоков осознал необходимость строгой методологии в историческом и сравнительном изучении языков.

В 1820 г. Московским обществом любителей российской словесности, основанном при Московском университете, была опубликована знаменитая работа А. Х. Востокова „Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам“<sup>1</sup>. Это небольшое произведение, не превышающее по объему журнальной статьи, создало А. Х. Востокову европейскую известность и было оценено как выдающееся явление науки.

В своем „Рассуждении“ Востоков определил хронологию памятников церковнославянского языка, указал на его отличия от древнерусского языка, выяснил звуковое значение юсов в старославянской письменности и их соответствие носовым польским гласным, объяснил образование окончаний в прилагательных, указал на отсутствие деепричастий в церковнославянском языке и т. д.

„Рассуждение“ А. Х. Востокова стало достоянием науки через четыре года после опубликования немецким

---

<sup>1</sup> „Труды Общества любителей российской словесности“, т. XVII.

ученым Францем Боппом книги о системе спряжения в санскрите, выход которой в истории науки рассматривается как начало сравнительно-исторического языкознания, через два года после выхода в свет исследования датчанина Расмуса Раска о происхождении исландского языка и почти одновременно с первым томом грамматики германских языков (*Deutsche Grammatik*) знаменитого немецкого филолога Якова Гримма. Оно явилось, таким образом, одним из первых в мировой науке образцов применения сравнительно-исторического метода в языкознании.

Трудно сказать, были ли известны Востокову названные труды Боппа и Раска, но с первым томом гриммовской грамматики, вышедшем в 1819 г. в Геттингене, он, несомненно, был знаком, так как на эту книгу в „Рассуждении“ имеется ссылка (в примечании 3). Поэтому вполне возможно предположить, что идеи, высказанные Гриммом, оказали влияние на суждения Востокова. Однако Востоков далеко опережает Гримма в конкретных методологических и методических выводах.

В своем „Рассуждении“ Востоков устанавливает периодизацию славянского и русского языков и делит их историю на ряд периодов, называя их, очевидно, вслед за Гриммом, как древний, средний и новый. В дальнейшей истории науки эта периодизация не удержалась, но интересно отметить, что основанием для различения периодов в истории языка служат, по мнению Востокова, „перемены в строении слов и в правописании“, которым язык подвергается в течение веков, т. е. изменения в морфологии и звуковом составе.

Я. Гримм во втором издании первого тома сравнительно-исторической грамматики германских языков, изданном в 1822 г., формулирует, опираясь на некоторые выводы, сделанные уже Раском в отношении исландского языка, свой известный в истории языкознания закон передвижения согласных звуков в германских языках, наглядно иллюстрировавший закономерность звуковых изменений. Открытие Раска-Гримма стало в дальнейшем, как известно, базой сравнительно-исторической фонетики индоевропейских языков. Но в своем „Рассуждении“, которое было опубликовано в 1820 г., А. Х. Востоков сделал открытие не меньшего методического значения на материале славянских языков, определив звуковое значение славянских юсов и показав, что сохранившиеся доныне в зву-

ковой системе польского языка и изменившиеся в чистые звуки в русском языке носовые гласные представляют собой древнее явление, восходящее к праславянской эпохе.

При этом, в отличие от Я. Гримма, который при сравнении консонантизма германских языков с консонантизмом греческого и других индоевропейских языков исходил из сопоставления согласных букв в этих языках, А. Х. Востоков устанавливает звуковые соответствия между древнерусским и современным польским языком. „Буквы ѡ и ѧ, — пишет он в своей работе, — и дьогласные их начертания ѡ и ѧ в Кирилловской азбуке первоначально имели звук польских а, е, іа, іе“, и, „следовательно, звуки сии, сохранившиеся ныне только в польском, да еще в языке люнебургских славян, существовали в том древнем славянском, на который переложена библия“. Далее в работе Востокова приводятся примеры из Остромирова евангелия и современного польского языка (сохраняющие свое научное значение в сравнительной грамматике славянских языков до настоящего времени), которые показывают, что буквы ѡ и ѧ в древнерусской письменности употребляются там, „где поляки а или е произносят“.

Другим принципиально важным положением, выдвинутым в работе А. Х. Востокова, явилась мысль, правда, не очень четко сформулированная, о возможности восстановления системы праславянского языка путем сравнения сохранившихся славянских диалектов. „Каждый из новославянских языков и диалектов, — пишет Востоков, — сохранил какие-нибудь особенные, потерянные другими, слова, окончания и звуки общего их прародителя, древнего словенского, как сие можно видеть, сличая их грамматики и словари с памятниками, от древнего языка оставшимися“. Этот древний славянский язык Востоков представлял себе как группу очень близких друг другу диалектов, на которых говорили отдельные славянские племена, разумевшие друг друга так же легко, „как теперь, например, архангелогородец или донской житель разумеет москвича или сибиряка“. Так, по мнению Востокова, было еще „во времена Константина и Мефодия“: „разность диалектов, существовавшая, без сомнения, в самой глубокой уже древности у разных поколений славянских, не касалась в то время еще до склонений, спряжений и других грамматических форм, а состояла большей частью только в различии выговора и в употреблении некоторых особен-

ных слов. Например, русские славяне издревле говорили *волость* вместо *власть*, *город* вместо *град*, *берег* вместо *брег* и пр.<sup>1а</sup>.

Таким образом, сравнительно-историческое языкознание обязано А. Х. Востокову во многих отношениях. Хотя Востоков и ограничился в своих исследованиях сравнением славянских языков, но он впервые в истории языкознания доказал закономерность изменений в звуковом строе родственных языков. Сравнительное языкознание обязано Востокову также первыми образцами применения сравнительно-исторического метода.

---

<sup>1</sup> А. Х. Востоков, Рассуждение о славянском языке, примечание 7, „Труды Общества любителей российской словесности“, т. XVII.

## СОРОКОВЫЕ И ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ.

Ф. И. БУСЛАЕВ. И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ.

Подъем интереса к сравнительно-историческому языкознанию в русской науке становится особенно заметным с начала сороковых годов прошлого столетия. Именно в это время наблюдаются первые после „Рассуждения“ Востокова серьезные попытки изучения русского языка сравнительно с другими индоевропейскими языками.

Начало этому было положено протоиереем Герасимом Петровичем Павским (1787—1863), известным церковным деятелем и ученым-филологом, издавшим в 1841 и в 1842 гг. свои обширные „Филологические наблюдения“. „Наблюдения“ Павского сыграли большую роль в развитии русской лингвистической мысли. В. Г. Белинский по поводу их сказал, что „Павский один стоит академии“. Даже через 10 лет после опубликования „Наблюдений“ в обширной анонимной рецензии на этот труд, напечатанной в 1852 г. в „Отечественных записках“, книга Павского названа „событием в летописях нашей умственной деятельности“. Автор рецензии, скрывшийся под инициалами Н. Н., воздает похвалу сравнительному методу, которым пользуется Павский, и считает, что самым важным выводом из сочинения является то, что нужно изучать не мертвый славяно-российский, а живой русский язык, „слово, звучащее в устах миллионов, составляющих народ русский“. Он протестует против того, чтобы грамматики русского языка составлялись „точно так же, как и все европейские грамматики, по старинному образцу, приготовленному древними греками и римлянами, утвержденному потом схоластиками средних веков...“<sup>1</sup>, и подчеркивает заслуги Павского, как автора оригинального

---

<sup>1</sup> „Отечественные записки“, кн. 6, 1852, стр. 46, 36.

труда по русской грамматике, давшего полное описание особенностей русского языка.

В „Наблюдениях“ Павский указывает, что он опирался в своем изложении на грамматику чешского языка И. Добровского и санскритскую грамматику Ф. Боппа. Он подчеркивает, что его интересует „отличительное свойство„ и „место“ русского языка среди других родственных языков. Во вступлении к первому рассуждению „Наблюдений“ Павский о своем методе говорит так: „Вот метода, какую я избрал для своих наблюдений. Зная, что наш русский язык принадлежит к большому семейству образованнейших в свете языков, я взял в соображение грамматический состав всех однородных языков, отмечал сходства их с нашим языком и старался узнать отличительное его свойство и место, какое он занимает в порядке родственных языков“<sup>1</sup>.

„Филологические наблюдения“ ценны, как первое в истории изучения русского языка всестороннее описание форм именного словообразования и морфологической системы русского глагола, основанное на громадном материале. Однако изыскания Павского в области сравнительного языкознания не составляли сильной стороны его сочинения. Не имея систематических знаний по сравнительной грамматике, знакомый, видимо, только с ранними образцами применения сравнительно-исторического метода в западноевропейской науке, Павский далеко отстал от того уровня, который характеризует „Рассуждение“ Востокова. Сравнительные сопоставления звуков, форм и слов русского языка с соответствующими единицами других индоевропейских языков (санскрита, греческого, латинского, литовского, готского), которые мы находим в его труде, очень часто совершенно произвольны и напоминают этимологические сопоставления, характерные для конца XVIII или начала XIX века. О закономерном соответствии звуков в родственных языках Павский имеет самое смутное представление и сходство слов в разных языках чаще всего склонен объяснять как заимствование из одного языка в другой<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Г. П. Павский, Филологические наблюдения. Рассуждение первое, 1841, стр. 2—3.

<sup>2</sup> Вот образчик этимологии Павского: „Слову *полюнь* (стар. *пелынь*) мы не можем указать корня в своем языке. Поелику же отличительное качество этой травы есть горечь, то производство *полюни*

На более высоком методологическом уровне по сравнению с „Наблюдениями“ Павского была написана магистерская диссертация Михаила Никифоровича Каткова (1818—1887) „Об элементах и формах славяно-русского языка“. Эта работа была опубликована в 1845 г. Московским университетом, где Катков, впоследствии известный реакционный публицист, некоторое время читал курсы по кафедре философии. В диссертации Каткова дана в сравнительном плане характеристика звукового и морфологического состава русского языка. Материал, приведенный в диссертации, показывает широкую для того времени лингвистическую подготовку автора и его знакомство с сравнительной грамматикой индоевропейских языков Ф. Боппа и трудами Я. Гримма.

Задачу своей диссертации Катков видит в том, чтобы уяснить „элементы, из коих сложились речения и развились формы языка русского“. Он указывает на то, что „единственный путь ведет к этой цели — историко-сравнительный“. Это означает, что необходимо, во-первых, уяснить тот путь, каким русский язык обособлялся от других родственных языков; во-вторых, „постараться подойти сколь можно ближе к той древнейшей эпохе, когда он сам впервые произнес себя“; наконец, „следить

---

от латинского *fel* и *filis* (ср. греч. *χολή* — желчь, горечь) довольно вероятно. К чужому корню мы приложили свое окончание *-ынь* и тем самым ввели *попынь* в число своих имен. Находятся, однакож, признаки того, что *попынь*, получив свое имя от желчи как по корню, так и по окончанию *-ынь*, есть чужое слово. Желчь (немецк. *galle*) в древнем немецком языке называлась *galun*. Немецкое окончание *un* мы произнесли *-ынь* и тем смешали его со своим женским окончанием *-ынь*. На французском языке буквы *g*, *p* опущены и *попынь* называется *alpine*. Не одного ли с ним происхождения и еврейское лаана, *попынь*?“ (Филологические наблюдения. Рассуждение второе, 1842, стр. 208—209.)

Приведем также характерный пример из сравнительной морфологии. Павский рассматривает происхождение флексии творительного падежа существительных мужского и среднего рода на *мъ*. В старину, пишет он, это окончание произносилось, как *мъ*. „Здесь окончательная буква *ь*, без сомнения, сокращена из *и*“, следовательно, древним окончанием падежа было *-ми*. Это *-ми*, по мнению Павского, было и во множественном числе, только здесь оно „не сократилось“ в *мъ*. Отметив, что это же самое окончание имеется в литовском и готском языках, Павский указывает на его несоответствие с формой других индоевропейских языков и делает вывод, „что наша губная буква *т* заменила другую губную *б*“. (Филологические наблюдения. Рассуждение первое, 1841, стр. 296—297.)